

ОЛЬГА БЕЛОЗУБОВА

После

РАЗВОДА

ПОЗДНО СОЖАЛЕТЬ, МИЛЫЙ

Ольга Белозубова

После развода. Поздно сожалеть, милый

<https://litres.ru/74212604>

Аннотация

Еще вчера подруга говорила мне, что мужчины не уходят из семьи первыми. А сегодня я обвиняю мужа в измене, но вместо оправданий он собирает чемоданы и заявляет, что подает на развод. — Сама виновата, — бросает холодно. — Ты же ни рыба ни мясо. И всегда такой была. — Что?! — А вот она — другая. Огонь, страсть, эмоции... Я с ней чувствую себя живым, а не просто существую, как в дне сурка, понимаешь? Я понимаю. Понимаю, что наш брак для него ничего не значит. — Знаешь, я жалею только о том, что не ушел раньше, — злобно припечатывает он напоследок, будто причинил недостаточно боли. — Восемь лет коту под хвост! *** Сейчас муж жалеет, что не ушел раньше, однако очень скоро ему придется сожалеть, что променял меня на другую. Гораздо быстрее, чем он думает.

Однотомник, ХЭ

Книга участвует в литмобе "Влюбиться до полуночи". Другие книги литмоба можно найти здесь:

Содержание

Глава 1. «Твой муж тебе изменяет»	4
Визуал	12
Глава 2. Обычный семейный вечер	13
Глава 2. Обычный семейный вечер. Часть 2	20
Глава 3. Ты еще здесь?	24
Глава 4. Не изверг	32
Глава 5. Время пошло	37
Глава 6. С чистого листа	42
Глава 7. Свое и чужое	48
Глава 8. С места в карьер	53
Глава 9. Ключи от новой жизни	61
Глава 10. В чем подвох?	68
Глава 11. Ключи от прошлого	74
Глава 12. Та самая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Глава 1. «Твой муж тебе изменяет»

Катя

— Пфф, — закатывает глаза Лена, откидываясь на спинку дивана. — Никуда он от нее не уйдет.

В голосе подруги звучит такая уверенность, что я невольно приподнимаю бровь.

Я у нее в гостях, и мы говорим о Сергее. Об изменщике Сергее, если точнее. Муже Натальи Игоревны, владелицы маникюрного салона, где Лена вот уже пять лет творит свои ногтевые шедевры.

Два дня назад подруга была на рабочем новогоднем корпоративе и вернулась оттуда, так сказать, не с пустыми руками.

— Я была в шоке, что Наталья Игоревна решила обсудить это со мной, — продолжает она, — но она изрядно наалакалась.

— Серьезно? — удивляюсь я.

Я видела эту женщину пару раз, когда заходила к Лене в салон. Наталья Игоревна всегда производила впечатление кремня в человеческом обличье. Строгий костюм, волосы зачесаны в тугой пучок, взгляд, который пробивает насквозь.

— Абсолютно, — кивает подруга. — Впервые за все время, что мы знакомы! О чем она, конечно, наверняка пожалела следующим утром. Так вот, она выбрала меня своей ми-

шенью.

Она изображает, как начальница схватила ее за руку, и я невольно хихикаю.

— Усадила рядом с собой, — продолжает, входя в роль, — и давай изливать душу. О том, какой Сергей козел. Козел, гад и предатель, который на старости лет решил завести любовницу.

Я качаю головой, сочувствуя незнакомой мне толком женщине. Сколько ей? Под пятьдесят, наверное. Возраст, когда измена мужа воспринимается особенно больно — годы отданы, молодость позади, и тут такое.

— Я-то думала, — делает драматическую паузу Лена, — что она начнет жаловаться про раздел имущества, про адвокатов, про то, как она ему отомстит. Ан нет! Она вдруг как выпалила: «А вдруг он уйдет к ней?» И потом еще час страдала, как же она будет жить одна. Час, Кать! Я сидела, кивала, утешала ее, а сама думала: вот это поворот!

— То есть она не собирается разводиться? — уточняю я, пытаюсь сложить картинку.

— Вот именно! Она, всегда такая стойкая, непрошибаемая, уверенная в себе! А тут роняла слезы в свой «Цезарь» и причитала, что не сможет без него.

Я сижу, обхватив руками чашку с чаем, и вдруг чувствую, как что-то холодное и липкое шевелится внутри. Воображение — штука коварная. Оно не спрашивает разрешения, просто берет и подсовывает тебе картинку. Вот я на месте

Натальи Игоревны. Вот мой Артем собирает вещи. Вот он говорит, что уходит. К другой.

По коже мгновенно разливается холод, и я аж поеживаюсь, хотя в комнате тепло, даже жарковато.

Так, стоп. С чего это вдруг? С чего ему уходить? Мы же живем душа в душу. Восемь лет вместе, шесть из них в браке. Даже ссоримся редко, хотя у Артема характер еще тот — вспыльчивый, импульсивный.

Но за годы, что мы вместе, я выработала целую систему сглаживания острых углов. Конечно, если речь о чем-то очень важном для меня, я даю это понять, а в остальном придерживаюсь того, что я хочу быть счастливой, а не правой. Зачем мне Пиррова победа в споре, если потом мы проведем вечер, а то и не один, в натянутом молчании?

— Так почему ты думаешь, что муж не уйдет от начальницы? — спрашиваю, возвращаясь из своих мыслей.

— Кать, — усмехается Лена, и в ее усмешке читается снисходительность человека, объясняющего очевидное, — ты много знаешь случаев, когда пара разводится по инициативе мужа?

Я зависаю. Мысленно перебираю знакомых, коллег, родственников. Моя тетя Света развелась, но это она подала на развод, когда ей надоело терпеть пьяного мужа. Соседка Марина развелась, но там тоже она инициатор: последней каплей стало то, что муж-игроман стащил ее рабочий ноутбук, заложил его в ломбард, а деньги спустил на ставки. Моя быв-

шая одноклассница Даша, которая пишет мне раз в год с поздравлениями... Кажется, там тоже она настояла на разводе.

Я качаю головой, признавая поражение.

— То-то же, — торжествуя поднимает указательный палец Лена.

В этот момент экран ее телефона на столике загорается голубоватым светом и начинает вибрировать. Лена бросает на него взгляд, и ее лицо сразу искажается гримасой недовольства. Она хватает мобильный и резким движением сбрасывает звонок.

— Достал уже этот спам, сил нет, — бросает она в сердцах, швыряя телефон обратно на стол.

Аппарат подпрыгивает на стеклянной поверхности, и я невольно вздрагиваю.

— Хорошо хоть, — продолжает подруга уже спокойнее, — установила приложение, и теперь практически всегда могу видеть, кто звонит. Причем только сегодня утром поставила, а уже нарадоваться не могу.

— Что за приложение? — заинтересованно спрашиваю я. Интересно. Мне, как учителю, тоже постоянно звонят.

Лена начинает объяснять, но я слушаю вполуха, уже мысленно планируя установить это приложение сегодня же, когда вернусь домой.

И вдруг подруга начинает хихикать.

— Ты чего? — непонимающе пялюсь на нее, даже чашку на стол ставлю, боясь расплескать остатки чая.

— В этом приложении можно узнать, как твой номер записан в телефонных книгах других людей. Как ты понимаешь, сразу после установки я первым делом ввела свой номер, чтобы проверить.

— И? — предвкушаю я, подаваясь вперед.

— Ну, кроме обычных «Лена мастер», «Елена Ободкова, маникюр», «Лена манник» и так далее, нашлись, к примеру... — делает она паузу для эффекта, — «Ногти Космонавтов».

Я прыскаю со смеху. Я-то знаю, что салон находится на улице Космонавтов, но звучит забавно, будто Лена действительно делает маникюр космонавтам перед полетом на МКС.

— Это еще что, — еще шире улыбается подруга, явно наслаждаясь моей реакцией, — а как тебе «Спиртопокупалка»?

— Э-э-э... — выпадаю в осадок я, пытаюсь понять логику.

Спиртопокупалка? Лена? Моя Лена, которая от силы глоток шампанского пригубит на Новый год?

— По ходу, — объясняет она, — так меня записали в том месте, где я покупаю спирт для обезжиривания ногтей перед покрытием.

Подруга вдруг вытягивается, и я вижу, как в ее глазах вспыхивает озорной огонек.

Знаю я это выражение... «Меня осенила гениальная идея, и сейчас будет весело».

— Слушай, — говорит она, хватая телефон, — а давай

посмотрим, как там записана ты?

Секунду я колеблюсь. С одной стороны, любопытно. С другой — а вдруг там что-то обидное? Нет, глупости. Что там может быть обидного?

— Давай, — киваю.

Ну а что, действительно интересно. Этой программой наверняка пользуются и мои ученики, и было бы забавно узнать, кто я для них в их телефонных книжках.

Лена берет телефон и начинает водить пальцем по экрану. Я наблюдаю за ее лицом, пытаюсь угадать по выражению, что она видит. Буквально через несколько секунд она начинает перечислять:

— Екатерина Витальевна, Екатерина учитель, Екатерина классная. Классный руководитель, видимо.

— Скорее всего, — соглашаюсь я, пожимая плечами.

Ничего неожиданного. Я веду девятый класс, конечно, они так меня и записывают.

— О! — Лена приподнимает брови. — Екатерина Витальевна и рядом три сердечка.

В этот момент тепло разливается от сердца к кончикам пальцев. Кто-то из моих учеников поставил рядом с моим именем три сердечка. Приятно осознавать, что ты для кого-то не просто функция, не просто источник знаний и оценок, а человек, которого... любят? Ценят? В любом случае, это трогает.

— Екатерина 2000 руб/час, — внезапно заливается сме-

хом Лена, и смех у нее такой заразительный, что я не выдерживаю и тоже начинаю хохотать. — Чет ты дешево берешь, подруга!

— Да ну тебя, — отмахиваюсь.

Понятно же, что это кто-то из родителей, чьих детей я взяла на репетиторство. У меня таких сейчас четверо, готовлю их к ОГЭ по русскому языку.

Лена снова смотрит на экран, и я вижу, как ее лицо в секунду меняется. Улыбка гаснет, будто кто-то щелкнул выключателем. Она бросает на меня быстрый беспокойный взгляд, и тут же отводит глаза обратно к экрану.

— Ты чего? — спрашиваю я, хмурясь.

— Все окей. Продолжим?

Она старается улыбнуться, но улыбка получается натянутой, фальшивой.

— Э нет, говори! Что там?

— Да так, ничего, — пытается соврать подруга, но выходит у нее откровенно плохо.

Я слишком хорошо ее знаю: там явно не просто что-то обидное, но читать вслух она это не станет.

— Ладно, — говорю, поднимаясь с дивана. — Тогда я в туалет, и продолжим.

Делаю вид, что собираюсь выйти, а сама внезапно подаюсь вперед и выхватываю телефон из ее рук.

— Верни! — тянет руки вверх она, но я резво отпрыгиваю в сторону и смотрю на экран.

Смотрю, и пальцы, сжимающие мобильный, слабеют, когда среди обычных «Васнецовых Екатерин» и тому подобного вижу: «Твой муж тебе изменяет».

Визуал

Дорогие читатели, встречайте нашу главную героиню:

Екатерина Васнецова, 32 года, замужем за Артемом Васнецовым; учитель русского языка и литературы.

Очень любит свою работу и мужа.

Катя старалась быть хорошей женой, верила, что у нее с мужем всё в порядке, ведь они редко ссорились, жили душа в душу, строили планы на будущее. Но все изменилось за один день, и теперь героине предстоит развод и новая жизнь.

Кстати, начало истории основано на реальных событиях. Кто бы мог подумать, что узнать об измене можно и таким образом!

Глава 2. Обычный семейный вечер

Катя

«Твой муж тебе изменяет».

Я перечитываю эти слова снова. И снова. Буквы не меняются, не исчезают, не складываются в другие слова. Они просто есть. Черные, холодные, беспощадные.

«Твой муж тебе изменяет».

— Катя...

Голос Лены доносится откуда-то издалека, словно сквозь слой ваты, которой кто-то набил мне уши. Я вижу, как она встает с дивана, как тянется ко мне, но не могу заставить себя пошевелиться. Телефон все еще зажат в моих пальцах, экран светится, и эти проклятые слова продолжают смотреть на меня.

— Кать, послушай меня...

Она берет меня за плечи, слегка встряхивает, и я наконец поднимаю на нее взгляд. Лицо подруги искажено беспокойством.

— Это чей-то тупой розыгрыш, Кать, — говорит она твердо. — Может, вообще кто-то из твоих учеников решил так подшутить. Мало ли, вклеила кому-то двойку за контрольную.

Я киваю. Механически, как кукла на веревочках. Да, конечно. Розыгрыш. Шутка. Кому-то показалось смешным так

записать номер учительницы в телефоне.

Но картинка того, как мой муж сжимает в объятиях дружую, тянет ее в постель, так и стоит перед глазами. Ох уж это живое воображение...

Делаю глубокий вдох, потом еще один, пытаюсь справиться с эмоциями.

— Точно, — выдавливаю из себя, тяну губы в кривой улыбке. — Розыгрыш.

Лена смотрит на меня с сомнением, явно не веря в мою внезапную уверенность, но ничего не говорит.

Мы пытаемся продолжить разговор, но из этого ничего не выходит. Слова не складываются в предложения, мысли разбегаются. Я сижу, уставившись в одну точку, и в голове крутится одно и то же: «Твой муж тебе изменяет, твой муж тебе изменяет, твой муж...»

Минут через пятнадцать, которые тянутся как целая вечность, я поднимаюсь.

— Лен, прости, мне пора. Устала что-то.

— Кать... — Она встает вместе со мной, и в ее глазах читается вина. Вина за то, что предложила посмотреть. За то, что я увидела это. — Может, останешься? Посидим еще, отвлечемся?

— Нет, спасибо. Правда устала. Трудная неделя была.

Я уже натягиваю куртку, наматываю шарф. Лена провожает меня до двери, и я чувствую на себе ее обеспокоенный взгляд.

— Напиши, когда доедешь, ладно?

— Конечно.

Выхожу в подъезд, спускаюсь по лестнице, держась за перила — ноги ватные, будто я не сидела на диване в гостях, а целый день бегала. Морозный воздух обжигает лицо, на улице уже начинает темнеть.

Я достаю ключи от машины, и руки дрожат. Не от холода.

Дорога домой проходит в тумане. Я будто на автопилоте — поворачиваю руль, переключаю передачи, останавливаюсь на светофорах. Но мыслей в голове — миллион. Они роятся, сталкиваются, перебивают друг друга.

«Это розыгрыш. Конечно, розыгрыш».

«А если нет?»

«Нет, не может быть. Артем бы не стал».

«А откуда ты знаешь?»

«Я бы заметила. Я бы почувствовала».

«Ты же ничего не чувствовала до сегодняшнего вечера».

Паркуюсь возле дома, поднимаюсь в квартиру. Артема еще нет — он сказал утром, что задержится на работе. Обычное дело, в последнее время у него загруженный период. Он работает директором в крупной компании, иногда остается допоздна, чтобы закрыть какие-то срочные задачи.

Или не задачи?

Я качаю головой, прогоняя мысль. Нет. Хватит. С чего вообще я так реагирую на какую-то запись в приложении?

Так, надо занять руки. Нужно что-то делать.

Иду на кухню и открываю холодильник, глядя на его содержимое. Готовить. Да, я буду готовить ужин.

Достаю курицу, овощи, начинаю нарезать. Нож стучит по разделочной доске — размеренно, успокаивающе. Морковь, лук, болгарский перец. И пока режу, перемешиваю, добавляю специи, размышляю.

Если муж и правда изменяет, то его любовница могла бы найти какой-то более простой способ сообщить об этом, так? Написать мне в соцсетях. Позвонить. Подойти лично, в конце концов. Я ведь могла вообще никогда не увидеть этой записи в приложении.

Это же абсурд. Какая-то слишком сложная схема для того, чтобы просто сообщить о факте измены.

Значит, это действительно розыгрыш. Или ошибка. Или... я не знаю что.

Я перекладываю готовую курицу на блюдо и вдруг замираю, уставившись в пространство. Передо мной, как живой, возникает образ Артема. Высокий, чуть больше метра восьмидесяти. Темно-русые волосы, зеленые глаза, но не яркие, а такие сероватые, с оливковым оттенком. Подтянутая фигура, которую он поддерживает тренажерным залом три раза в неделю. И эта его улыбка — чуть насмешливая, немного мальчишеская, обезоруживающая.

Именно на эту улыбку я и запала, когда мы познакомились восемь лет назад. Тогда я только начала работать учителем, была такой наивной выпускницей педагогического, верящей,

что смогу изменить мир правильными уроками русского и литературы.

Мы встретились на дне рождения общей знакомой. Он подошел, что-то сказал — уже не помню что — и улыбнулся именно так, по-мальчишески, обезоруживающе. И все. Я пропала.

Нет. Артем не мог. Он не такой.

Да, он много работает. Иногда допоздна, иногда в выходные. Но это же нормально для его должности. У меня ни разу не возникало сомнений. Он не давал повода. Ни единого.

Ни разу я не слышала от него, что не устраиваю его, что ему чего-то не хватает, что он недоволен нашим браком. Мы же живем хорошо. Спокойно. Без драм и скандалов.

Ведь любовниц заводят, когда чего-то не хватает, разве не так? Когда в браке что-то идет не так, когда накопились обиды, недосказанности, когда угасла страсть или пропало взаимопонимание.

А у нас все это есть. Мы понимаем друг друга. Поддерживаем. Я стараюсь быть хорошей женой, я создала комфортный, уютный дом, где ему хорошо. Он сам об этом говорил! Не раз говорил, как ему нравится возвращаться домой с работы ко мне.

Зачем ему менять это на что-то другое?

Звук ключа в замке выдергивает меня из раздумий. Сердце подсказывает к горлу.

Артем дома.

— Привет! — раздается его голос из прихожей. Бодрый, обычный.

Я делаю глубокий вдох, выдох.

— Привет, — откликаюсь, стараясь, чтобы голос звучал нормально.

Слышу, как он стягивает ботинки, вешает куртку. Потом шаги по коридору, и он появляется на пороге кухни. Точно такой же, как всегда. Джинсы, серая толстовка, слегка растрепанные волосы. Улыбается.

— М-м-м, как вкусно пахнет! Что готовишь?

— Курицу с овощами. Твою любимую.

Он подходит ближе, целует меня в макушку.

— Ты лучшая.

Я замираю, вдыхая знакомый запах его парфюма впере-
мешку с холодом улицы. Обычный вечер. Самый обычный.

Мы устраиваемся за столом. Я накладываю еду на тарелки, Артем наливает воду в стаканы. Он начинает рассказывать о работе.

Внимательно слушаю, задаю вопросы, но еда не лезет в горло. Я поднимаю вилку, опускаю. Смотрю на тарелку. Снова поднимаю вилку.

— Кать, что-то случилось?

Артем смотрит на меня, склонив голову набок и прищу-
рившись.

— Ты чего такая хмурая? И не ешь совсем. Решила сесть на диету? — улыбается своей догадке. — Так тебе не нужно,

даже не думай.

Секунду я молчу, а потом решаюсь. В конце концов, мы же муж и жена. Кому еще мне рассказать, если не ему?

— Слушай... сегодня произошла странная вещь.

— Какая?

Я рассказываю. Про встречу с Леной, про приложение, про то, как мы решили проверить мой номер. Про все эти забавные записи: «Екатерина Витальевна♥♥♥», «Екатерина 2000 руб/час». И про ту, последнюю.

— И там кто-то записал мой номер как... — сглатываю, — как «Твой муж тебе изменяет».

Последние слова повисают в воздухе тяжелым грузом, и я смотрю на Артема в ожидании его реакции.

Глава 2. Обычный семейный вечер. Часть 2

Катя

Я жду. Жду, что он удивится, заявит, что это полный бред, что я не должна обращать на это внимания. Возьмет мою руку, посмотрит в глаза и заверит, что ничего такого нет и быть не может, потому что он любит меня. Только меня.

Но он молчит.

Молчит, и лицо его медленно превращается в каменную маску. Брови сдвигаются, челюсть сжимается, губы становятся тонкой линией.

— Артем? — говорю я едва слышно, чувствуя, как внутри все сжимается в тугой комок.

Он смотрит на меня. Долго. Изучающе. И в его взгляде я вижу что-то, от чего кровь стынет в жилах.

— Это же неправда, да? — Мой голос звучит надтреснуто, но мне все равно. — Артем, скажи мне, что это неправда.

Он откидывается на спинку стула, закрывает глаза, проводит рукой по волосам. Долгий выдох.

— Не хотел, чтобы ты узнала вот так, — говорит он наконец, и голос его звучит отстраненно. — Но это к лучшему.

Время останавливается.

— Что ты имеешь в виду? — шепчу я.

Уже все понимаю, но верить не хочу.

— Это правда, Катя. У меня есть другая.

Есть другая.

Два простых слова. Всего два слова, а они разрывают мою жизнь на части.

— Как... — я не могу сформулировать вопрос. Их слишком много. Как давно? Кто она? Где вы встречались? Ты любишь ее? А меня ты любишь? Или уже нет?

Вместо вопросов из меня вырывается что-то совсем другое:

— Но почему? Что я сделала не так?

Артем поднимается из-за стола резким движением. Стул скрипит по полу. Он начинает ходить по кухне взад-вперед.

— Ты ничего не сделала не так, — бросает он, не глядя на меня. — Ты вообще ничего не делала. Вот в чем проблема!

— Что? — Я не понимаю. — Артем, о чем ты?

— О том, — он останавливается, оборачивается, и в его глазах горит что-то, чего я никогда раньше не видела, — что с тобой невозможно! Ты всегда такая... правильная. Спокойная. Уравновешенная. Ни рыба ни мясо!

Последние слова он почти выкрикивает, и я вздрагиваю, будто он ударил меня.

— Я... я думала, ты ценишь это... Ты же всегда говорил, что тебе нравится мой спокойный характер. Нравится, что я не закатываю истерик, не устраиваю сцен, игр в молчанку и так далее...

— Да, нравилось! — Он поджимает губы, снова начинает мерить шагами кухню. — Поначалу. Но потом... потом это начало душить. Понимаешь? Ты всегда соглашаешься, идешь на компромисс, всегда сглаживаешь углы. У тебя нет собственного мнения!

— Это неправда! — возражаю я, чувствуя, как в груди разгорается что-то горячее. — У меня есть мнение, просто я не считаю нужным ругаться из-за каждой мелочи!

— Вот именно! Даже сейчас, когда я только что признался, что изменяю тебе, ты сидишь и спокойно разговариваешь! Где эмоции, Катя? Где гнев? Где... что угодно?!

Он разводит руками, и я вижу в его лице искреннее недоумение вперемешку с раздражением.

— Ты хочешь, чтобы я устроила истерику? — не верю своим ушам. — Чтобы начала кричать, бить посуду?

— Я хочу, чтобы ты была живой! — выкрикивает он. — А не этой... идеальной женой-роботом, которая всегда готовит, убирает, соглашается и улыбается!

Каждое его слово бьет, как пощечина. Я сижу, вцепившись пальцами в край стола, и пытаюсь переварить услышанное.

— А она... — шепчу, — другая, да?

Лицо Артема меняется. Каменная маска трескается, и сквозь нее проступает что-то другое. Его глаза загораются, губы растягиваются в улыбке.

— Да, — говорит он, и в голосе звучит что-то похожее

на восторг. — Она совершенно другая. Огонь, страсть, эмоции... Она кричит, она смеется, она плачет, она живет, понимаешь? Я с ней чувствую себя живым, а не просто существую, как в дне сурка!

Каждое слово вонзается в меня, как нож. Я сижу и слушаю, как мой муж с восторгом рассказывает о другой женщине. О том, какая она замечательная. О том, что я не могу ему дать, а она — может.

— То есть... — я сглатываю ком в горле, — наш брак для тебя ничего не значит?

— Не передергивай, — отмахивается он. — Просто я понял, что мы не подходим друг другу. Это случается. Люди меняются.

— Восемь лет, Артем, — напоминаю я, и голос наконец-то дрожит. — Восемь лет мы вместе. Шесть лет в браке.

— Я умею считать, — обрывает он меня. — И знаешь что? Я жалею только о том, что не сказал тебе раньше. Не ушел.

Он подходит ближе, нависает надо мной, и в его лице читается злость. Откуда она? Почему он злится? Это же он предал меня, а не я его!

— Восемь лет коту под хвост! — припечатывает он напоследок, и эти слова добивают меня окончательно.

Я сижу, не в силах пошевелиться, и смотрю, как он выходит из кухни. Слышу, как он достает из шкафа чемодан, начинает бросать туда вещи.

А потом хлопает входная дверь.

Глава 3. Ты еще здесь?

Катя

Я еще долго сижу на кухне после того, как хлопнула входная дверь. Сижу и смотрю в одну точку.

Вот так, буквально за полчаса, развалился мой мир. Полчаса назад я была женой. Половиной целого. Частью «мы». А теперь я просто Катя. Одинокая, брошенная, ненужная Катя.

«Ни рыба ни мясо».

Слова Артема эхом отдаются в голове — болезненным, режущим, невыносимым. Я сжимаю виски ладонями, будто пытаюсь выдавить их оттуда, но они не уходят. Крутятся по кругу, снова и снова.

«Ты всегда такая правильная, спокойная, уравновешенная».

Но он же знал, на ком женился! Более того, он радовался, что я именно такая!

Я вскакиваю со стула так резко, что он опрокидывается назад с грохотом. Мне нужно двигаться, нужно что-то делать, иначе я задохнусь от этих мыслей.

Начинаю ходить по кухне. От окна к двери, от двери к столу, от стола к плите. По кругу, снова и снова.

Я не люблю скандалов. С самого детства не люблю. Как можно любить то, что пугает до дрожи, до тошноты, до желания забиться в угол и стать невидимой?

Передо мной, как в замедленной съемке, проносятся картинки из прошлого. Мне шесть лет, я сижу за столом с недоеденной кашей. Мама кричит на папу за то, что он опять задержался непонятно где. Папа кричит в ответ, что она уже достала своими придирками и ревностью. Голоса становятся громче, резче. Мама хватается тарелку и швыряет ее в стену. Осколки разлетаются по полу, каша медленно стекает по обоям. Я сжимаюсь на стуле, стараясь стать как можно меньше.

Мне девять. Родители снова ругаются, и я уже знаю, что нужно уйти. Забиваюсь в свою комнату, залезаю на кровать, накрываюсь одеялом с головой. Может, так меня не будет видно. Может, так не так страшно. Но крики все равно просачиваются сквозь ткань, сквозь стены, проникают прямо в уши, откуда их невозможно выгнать.

«Ты скотина!»

«Можно подумать, ты подарок!»

Звон разбитой посуды. Хлопанье дверей. Тишина, которая хуже криков, потому что в ней можно услышать собственное сердцебиение — частое, испуганное.

Я лежу под одеялом и думаю: «Это из-за меня. Наверное, из-за меня. Может, я плохо себя вела? Или это потому, что получила четверку вместо пятерки?»

А вдруг сейчас они придут в мою комнату и начнут кричать на меня? Вдруг скажут, что я плохая дочь? Или... хуже. Вдруг папа уйдет?

Папа почти не обращал на меня внимания. Он приходил с работы уставший, молча ужинал и уходил в свою комнату. Но иногда — совсем редко, в какие-то особенные моменты — он звал меня к себе. Читал вслух, показывал что-то интересное в книге, или включал старый фильм и объяснял, почему он хороший. Эти редкие моменты я ценила больше всего на свете. Запоминала каждое слово, каждый жест, каждую минуту его внимания.

И вот в те страшные вечера, когда родители скандалили, я думала: «Если папа уйдет, то этих моментов больше не будет. Совсем. Никогда».

Чуть повзрослев, осознала что вообще не при чем. Что родители... ну, вот такие они. Темпераментные. Вспыльчивые. Они ругались не из-за меня, а из-за своих взрослых проблем, о которых я даже не знала. Но к тому времени уже твердо решила для себя: у меня все будет по-другому. Я никогда-никогда не буду так scandalить. Не буду бить посуду. Не буду кричать так, что соседи слышат. Не буду причинять боль человеку, которого люблю.

И вот, оказывается, то, что я старалась решать вопросы спокойно, конструктивно, без истерик и драм — это не плюс, а жирнящий минус в глазах мужа. Это недостаток. Но когда мой характер стал недостатком? В какой момент?

Обидно. Так невыносимо обидно, что комок подкатывает к горлу, и я с трудом сглатываю.

Обидно было услышать и то, что у меня нет собственного

мнения. Это же совсем не так! Это несправедливо!

У меня есть мнение.

Разве смогла бы я управляться в школе с подростками, если бы у меня не было характера, не было стержня? В девятом классе у меня двадцать восемь учеников, и у каждого второго бушуют гормоны, скачет настроение, каждый день новая драма. Кто-то с кем-то поругался, кто-то в кого-то влюбился, кто-то кого-то обидел. Они проверяют границы, пытаются прощупать, где можно надавить, чтобы учитель сдался.

Если бы я была бесхребетной размазней без собственного мнения, они бы затоптали меня в первую же неделю.

Но я справляюсь. Я держу дисциплину, добиваюсь уважения, не унижая. Я умею быть твердой, оставаясь справедливой.

Это требует характера, и Артем это знает, не может не знать.

В уголках глаз скапливаются слезы обиды, боли и злости. Они жгут, давят, требуют выхода. Я пытаюсь моргнуть, оттолкнуть их, но они все равно прорываются, текут по щекам. «Восемь лет коту под хвост».

Как у него язык повернулся? Как он мог сказать такое?

Мы ведь были счастливы! По крайней мере, я так думала. Мне казалось, что у нас все хорошо. Что мы команда. Что любим друг друга.

Или счастлива была только я, а Артем притворялся?

Притворялся, когда целовал меня по утрам перед рабо-

той. Притворялся, когда говорил комплименты. Притворялся, когда обнимал на ночь. Притворялся, когда мы строили планы на будущее: куда поедem летом, какой ремонт сделаем, какую машину купим и... когда заведем детей.

Я уже давно хотела, но Артем откладывал этот момент, говорил, что дети — огромная ответственность, и нужно крепко встать на ноги, прежде чем рожать. «Дал бог зайку, даст и лужайку» — это не про него. Более того, эта известная фраза бесила его до зубовного скрежета.

Что, если он откладывал этот вопрос, потому что понял, что не хочет видеть меня матерью своих детей? Говорил мне, что ждать осталось недолго, а потом шел к другой. К той, с которой он чувствует себя живым.

Слезы текут сильнее, я уже не пытаюсь их остановить. Опускаюсь на пол прямо посреди кухни, прислоняюсь спиной к шкафу. Обхватываю колени руками и качаюсь взад-вперед, как в детстве под одеялом.

Больно. Так больно, что кажется, внутри что-то разорвалось. Как будто из груди вырвали что-то важное, жизненно необходимое, и теперь там просто дыра. Пустота.

Я не знаю, сколько времени сижу так. Может, пять минут, может, час. Слезы постепенно заканчиваются, остается только тупая, ноющая боль и абсолютная опустошенность.

Наконец заставляю себя подняться. Ноги ватные, голова тяжелая. Иду в ванную, смотрю на свое отражение в зеркале. Красные опухшие глаза, бледное лицо, растрепанные воло-

сы. Чужое лицо.

Умываюсь холодной водой, но это почти не помогает. Возвращаюсь в гостиную, бездумно слоняюсь от комнаты к комнате.

Когда? Когда именно он понял, что я ему не подхожу? Когда встретил ее?

Кто она вообще? Как зовут? Как выглядит? Где они познакомились? Давно ли это длится?

Вопросы роятся в голове, но ответов нет. И, кажется, не будет.

Иду на кухню, машинально убираю со стола нетронутые тарелки, выбрасываю остывшую еду. Мою посуду, вытираю стол. Руки двигаются сами по себе, без участия сознания.

Потом снова возвращаюсь в гостиную. Включаю телевизор, но не слышу, что там говорят. Выключаю. Беру телефон и вижу сообщение от Лены: «Катюш, как ты? Напиши, пожалуйста».

Я смотрю на экран, и пальцы зависают над клавиатурой.

Что написать? «Все хорошо, муж ушел к любовнице»? «Отлично, просто восемь лет коту под хвост»?

Откладываю телефон. Не сейчас. Не могу сейчас ни с кем разговаривать.

Встаю, снова начинаю бродить по квартире. От гостиной к кухне, от кухни к спальне, от спальни обратно в гостиную. По кругу, бесконечно.

Останавливаюсь у окна, смотрю на темную улицу. Редкие

прохожие спешат по своим делам, в окнах напротив горит свет. Там живут другие люди, у которых другие жизни. Наверное, у кого-то тоже сейчас рушится мир. А у кого-то все хорошо.

Часы на стене показывают половину первого ночи. Потом два. Потом три.

Я так и брожу по квартире, погруженная в свои мысли, в свою боль. Голова гудит от усталости и слез, глаза слипаются, но заснуть не могу. Каждый раз, когда пытаюсь лечь, перед глазами встает лицо Артема — холодное, злое, чужое. И я снова встаю, снова хожу.

Только когда за окном начинает светать, когда серое зимнее утро медленно разгоняет темноту, я наконец падаю на кровать, не раздеваясь. Проваливаюсь в тяжелый, беспокойный сон, полный обрывков кошмаров.

И тут — какой-то шум.

Я резко открываю глаза. Сознание медленно возвращается, а с ним и память о вчерашнем вечере. Больно. Снова больно.

Шум повторяется.

Я подрываюсь, сажусь на кровати. В спальню входит Артем.

Он в той же одежде, что вчера, только выглядит помятым, не выспавшимся. В руках у него какие-то пакеты.

Наши взгляды встречаются, и меня пробирает холодом. Он смотрит на меня так... так холодно. Как на незнакомого

человека. Как на помеху.

— Ты еще здесь? — спрашивает он, хмурясь.

Глава 4. Не изверг

Катя

Я поеживаюсь, будто он плеснул на меня ледяной водой.

— Что? — переспрашиваю, не понимая, о чем он.

Артем не отвечает. Просто проходит мимо меня, будто я пустое место, открывает шкаф и начинает перебирать свои вещи. Достает рубашки, джинсы, складывает их в пакеты, которые принес с собой. Движения четкие, отработанные.

Я сижу на кровати в полном шоке и смотрю на него.

— Конечно, здесь, где еще мне быть, — говорю глухо, с трудом выдавливая из себя слова.

Артем останавливается, поворачивается ко мне.

— Катя, я думал, ты все поняла, — в его тоне слышится нетерпение.

— Что... что я должна была понять? — Голос дрожит, я вцепляюсь пальцами в край одеяла, пытаюсь найти хоть какую-то опору.

Он тяжело вздыхает, явно недовольный моей непонятливостью.

— Это моя квартира, куплена до брака, — произносит он медленно, отдельно, как будто говорит с иностранцем, который плохо понимает русский язык. — И я хочу, чтобы ты ее освободила.

Время замирает.

Биение сердца становится таким громким, что оглушает. Оно стучит в ушах, в висках, в горле. Бум. Бум. Бум. Как огромный барабан, заглушающий все остальные звуки.

Что?!

Я смотрю на него, моргаю, пытаюсь убедиться, что правильно расслышала. Может, я еще сплю?

Но нет, он стоит передо мной, вполне реальный. И ждет ответа.

— Но куда я пойду? — округляю глаза в полном шоке.

Слова вырываются сами, без участия сознания. Голос звучит как-то тонко, я сама слышу в нем панику и ненавижу себя за это. Но не могу контролировать.

Артем пожимает плечами. Ему явно некомфортен этот разговор, он отворачивается, возвращается к шкафу, говорит из-за спины:

— К родителям или к этой своей подруге, как ее...

— Лена, — автоматически подсказываю я.

— Вот-вот, к Лене.

Он говорит это так буднично, так обыденно. Как будто обсуждает погоду, а не то, что выгоняет меня из дома, в котором я прожила семь лет, в который вложила столько сил, любви и времени!

Это я выбирала сюда каждую мелочь, перебирая десятки вариантов. Это я превратила эту квартиру в дом. В наш дом.

Я смотрю на полку у окна, которую мы вместе собирали. Точнее, он держал детали, а я читала инструкцию и подска-

зывала, что к чему прикручивать.

Смотрю на торшер в углу, который мы купили в тот дождливый субботний день, когда промокли до нитки, но все равно не пошли домой, а забрели в магазин света. Тогда мы еще не планировали ничего покупать, но увидели этот торшер, и я влюбилась в него сразу. Артем сказал: «Берем», — и мы тащили его под дождем.

Каждая вещь здесь хранит частичку меня. Частичку нас. И теперь он просто говорит мне уйти. Как будто я здесь чужая.

— Ты же не можешь... — начинаю я, но голос срывается.

Артем резко оборачивается, и в его глазах вспыхивает злой огонь. Тот самый, что я видела вчера. Гнев. Раздражение. Желание поскорее закончить этот неприятный разговор.

— Катя, — припечатывает он, и в голосе звучит такая холодная решимость, что я невольно съеживаюсь. — Мы же уже все решили.

— Мы, — делаю ударение на этом слове, и внутри что-то начинает закипать, — ничего не решали. Решал ты.

Впервые за эти страшные двенадцать часов я чувствую не только боль и шок, но и злость. Она поднимается откуда-то из глубины, горячая, резкая, почти обжигающая.

Артем замирает на секунду, потом усмехается. Криво, неприятно.

— Пусть так, — соглашается он с показным безразличи-

ем. — Но раз уж все выяснилось, не вижу никаких причин продолжать и дальше изображать счастливую семью. На развод подам сам. Сегодня же можем съездить к юристу, если хочешь ускорить процесс.

Его тон такой бесстрастный, такой безразличный, будто он говорит о каких-то административных формальностях. Купить молоко. Оплатить коммуналку. Подать на развод. Все в одном ряду. Все одинаково незначительно.

В уголках глаз снова скапливаются слезы, горячие, предательские. Они жгут, давят, требуют выхода. Но я упрямо сжимаю губы, задираю подбородок. Нет. Он их не увидит. Не дам ему этого удовольствия. Не покажу, как больно. Хотя, наверное, уже поздно — он и так все видит.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь собрать осколки себя, склеить их хотя бы временно, чтобы дожить до конца этого разговора.

— Сколько у меня времени? — словно со стороны слышу свой голос.

Он звучит сухо, безжизненно, как у робота.

Артем смотрит на меня оценивающе, и я вижу, как в нем происходит какая-то борьба. Он морщится, отводит взгляд, снова возвращается к пакетам.

— Не надо на меня так смотреть, Катя, — говорит он тише.

В голосе впервые проскальзывает что-то похожее на дискомфорт. Не раскаяние. Не сожаление. Не вина. Просто дис-

комфорт от неприятной ситуации.

— Я же не изверг, — разводит он руками, — так что даю тебе неделю.

Глава 5. Время пошло

Катя

Я ошарашенно пялюсь на мужа.

Неделю?

Семь дней, чтобы упаковать шесть лет жизни.

Семь дней на то, чтобы перестать быть женой и стать... кем? Бывшей женой. Разведенкой. Женщиной, которую бросили ради другой.

— Неделю, — повторяю я, проверяя, как это слово ощущается на языке.

Горько. Оно ощущается горько.

Артем кивает, явно довольной тем, что я не начала спорить, кричать, умолять. Наверное, он впервые за все время брака готовился к истерике.

«Ни рыба ни мясо», — эхом отзывается в голове.

Может, он прав. Может, со мной действительно что-то не так, раз даже в такой момент я не могу взорваться, не могу закричать, швырнуть в него что-нибудь тяжелое?

Просто сижу в полном оцепенении, не в силах поверить, что он это серьезно.

Артем продолжает складывать вещи в пакеты, и я смотрю на его руки. Те самые руки, которые когда-то держали мои. Которые гладили по волосам, когда мне было плохо. Которые обнимали по ночам.

Теперь эти руки торопливо записывают рубашки в пакет, стараясь поскорее закончить и уйти отсюда. Подальше от меня.

— Как ее зовут? — вырывается у меня вдруг.

Я не планировала задавать этот вопрос, он вылетел сам, помимо воли. Мне нужно знать. Нужно дать имя той, которая разрушила мою жизнь. Сделать ее реальной, а не просто абстрактной «другой».

Артем замирает. Его спина напрягается, пальцы сжимают футболку, которую он держит. Несколько долгих секунд он молчит, не оборачиваясь.

— Неважно, — говорит наконец.

— Для меня важно, — настаиваю я, и голос звучит тверже, чем я ожидала. — Я хочу знать, как зовут женщину, из-за которой рушится мой брак.

Он резко оборачивается. На лице раздражение вперемишку с чем-то еще. С осторожностью? С напряжением?

— Какая разница, Катя? — бросает он.

Но в его взгляде проскальзывает что-то такое... что-то неуловимое, на мгновение. Беспокойство. Или даже тревога. Как будто он боится моей реакции.

И тут меня пронзает догадка. Холодная и острая, как ледяной укол.

— Я ее знаю?

Лицо Артема мгновенно меняется. Брови сдвигаются, челюсти сжимаются, в глазах вспыхивает гнев.

— Какая разница! — почти кричит он, и я вздрагиваю от резкости его тона. — Это ничего не меняет, понимаешь? Абсолютно ничего!

Его реакция говорит громче любых слов.

Значит, знаю.

Я знаю ее.

Это не просто какая-то незнакомка, которую он встретил случайно. Это кто-то из моего круга. Кто-то, кого я видела. С кем, возможно, разговаривала. Может, даже считала... что? Знакомой? Подругой?

В голове начинают мелькать лица. Коллеги Артема с корпоративов. Жены его друзей. Девушки из нашей компании, с которыми мы иногда выбирались куда-нибудь вместе. Кто? Кто из них?

— Кто она? Я имею право знать.

— Нет у тебя никакого права, — злобно обрывает меня муж. — Мы расстаемся. Все. Остальное тебя не касается.

Он поворачивается спиной, снова возвращается к пакетам. Разговор для него окончен.

Но для меня нет. Я сижу на кровати, и в голове крутится одна мысль: я ее знаю. Может, я даже улыбалась ей. Здравовалась. Болтала о погоде или о работе, не подозревая, что она...

Тошнота подступает к горлу, и я зажимаю рот ладонью.

— Когда уедешь, оставь ключи на полке в прихожей, — бросает Артем, не глядя на меня. — И если есть какие-то твои вещи, которые не успеешь забрать за неделю, я их сложу

в коробки и отправлю, куда скажешь.

Его голос звучит деловито, отстраненно. Как будто мы обсуждаем какую-то рабочую задачу, а не конец нашей совместной жизни.

— Я пришлю тебе контакт юриста, — продолжает он. — Хороший специалист, все быстро оформит. Раздел имущества... ну, тут все просто. Квартира моя, машина тоже. У тебя есть своя машина. Общих счетов и кредитов нет. Так что процесс должен пройти гладко.

Гладко. Конечно. Шесть лет брака, и делить, оказывается, нечего.

Потому что я вложилась не в имущество. Я вложилась в отношения. В то, что, как выяснилось, не имеет для Артема никакой ценности.

Муж заканчивает собирать вещи, поднимает пакеты. Тяжело вздыхает, и я слышу в этом вздохе облегчение. Он рад, что самая неприятная часть позади. Что он все сказал, и теперь может уйти.

— Неделя, Катя, — повторяет он, подходя к двери спальни. — Этого более чем достаточно. Время пошло.

Он уходит, а я медленно встаю с кровати. Ноги ватные, в голове пустота. Подхожу к окну, смотрю вниз на заснеженный двор, на редких прохожих, спешащих по своим делам.

Что делать?

Артем, конечно, великодушно предложил переехать к родителям или к Лене, хотя прекрасно знает, что оба варианта

невозможны. Мы столько раз обсуждали мою семью, ее семью. Но ему все равно, что я буду делать и куда пойду.

А идти мне... решительно некуда.

«Время пошло», — звучат в голове его слова.

Глава 6. С чистого листа

Катя

Я медленно иду к шкафу, чтобы достать одежду и переодеться. Тело словно налито свинцом — тяжелое, непослушное. Ночь без сна, слезы, шок — все это оставило свой след. Голова раскалывается, глаза горят, а в груди зияет огромная дыра.

Проходя мимо зеркала, бросаю в него взгляд. На меня смотрят красные, опухшие глаза. Лицо бледное, осунувшееся лицо. Волосы торчат в разные стороны.

Я выгляжу так, как чувствую себя — разбитой.

Стаскиваю с себя вчерашнюю одежду, достаю из шкафа джинсы и кофту. Одеваюсь механически, на автопилоте. Руки сами застегивают пуговицы, натягивают ткань. Сознание где-то далеко, погруженное в вату.

Иду на кухню. Мне нужен кофе. Крепкий, горячий, обжигающий. Может, он хоть немного вернет меня к жизни, заставит мозг работать. Потому что нужно действовать, раз у меня всего неделя.

В коридоре натыкаюсь на большую картонную коробку у стены. На ней выведено маркером: «Игрушки». Новогодние игрушки, которые я позавчера достала из кладовки, чтобы мы с Артемом вместе поставили елку и украсили ее.

Это была наша традиция. Мы включали музыку, завари-

вали глинтвейн и принимались за дело. Артем распутывал гирлянды — это всегда было его задачей, а я развешивала шары, подбирая их по цвету и размеру. Мы пили глинтвейн и строили планы на год. Куда съездим. Что купим. Чего достигнем.

Ложь. Все было ложью.

«Как Новый год встретишь, так его и проведешь», — всплывает в голове известная присказка. Вот Артем и решил встретить его без меня, начать год с чистого листа. С новой женщиной.

Но с кем?

Усилием воли отбрасываю эту мысль. Все равно узнаю рано или поздно: правда всегда всплывает. Кто-то проговорится, или я сама вычислю.

Но сейчас у меня другая задача. Более важная. Более срочная.

Мне нужно найти новое жилье. Потому что ни к родителям, ни к Лене я не поеду. Это просто невозможно.

У Лены с мужем Денисом двухкомнатная квартира. Они живут вдвоем с двумя детьми. Дети спят в одной комнате, Лена с Денисом — в другой. Уже тесно. А еще завтра к ним приезжает сестра Дениса на две недели. Куда там еще одного взрослого человека?

Даже если Лена и согласится меня приютить временно — а она как лучшая подруга наверняка согласится, даже не задумываясь, — я не могу так с ней поступить. Да и какой

смысл? Ну, приютит она меня на пару-тройку дней — что дальше? Это не решение. Это временная мера, которая только оттянет неизбежное. Нет, не вариант.

А родители...

Я непроизвольно вздрагиваю при одной мысли о том, чтобы вернуться к ним.

Они живут в однокомнатной квартире, где и им-то тесно, к тому же очень далеко от моей работы. Даже если меня примут, я не смогу там жить — не вынесу ежедневных скандалов, криков, той удушающей атмосферы, от которой сбежала, как только появилась возможность. Ничего хорошего меня там не ждет.

К их обычным ссорам добавятся сетования и обвинения в мой адрес. Я прекрасно представляю, что скажет мама.

«Не смогла удержать мужа! Что ж ты такая непутевая?»

А папа добавит что-то вроде: «Что, будешь теперь до пенсии жить с нами? Давай еще, сорок кошек заведи».

Оно мне надо? Совсем не надо.

Я глубоко вдыхаю, стараясь успокоиться, привести мысли в порядок.

Значит, мне нужно снять квартиру. Срочно. Сегодня-завтра посмотреть варианты, созваниваться с собственниками, договариваться о просмотрах, которые надо втиснуть в рабочий график.

Иду к кофемашине, достаю чашку, нажимаю кнопку. Машина урчит, шипит, наполняет кухню ароматом свежемоло-

того кофе. Обычно этот запах меня бодрит, поднимает настроение. Сейчас я почти ничего не чувствую.

Достаю ноутбук из сумки, ставлю его на стол, открываю. Экран загорается слишком ярким светом, и я щурюсь, убавляя яркость.

Захожу на сайт с объявлениями о сдаче жилья. Ввожу параметры: район — желательно не слишком далеко от школы, где работаю; цена — в пределах разумного, хотя что такое «разумное» для учительницы с моей зарплатой?

Прокручиваю список объявлений. Цифры заставляют меня похолодеть.

С текущими ценами на квартиру на жизнь мне почти ничего не останется, даже с учетом репетиторства. Так, ладно, живут же люди как-то? И я смогу. Возьму еще учеников на репетиторство.

Я беру чашку, делаю глоток. Горячий, горький кофе обжигает язык, но я глотаю, надеясь, что он хоть немного прояснит мозг.

Только открываю следующую страницу сайта в надежде найти что-нибудь подешевле, как в оглушающей тишине квартиры раздается резкий звук входящего сообщения.

На экране светится уведомление из мессенджера. От Артема.

Сердце пропускает удар. Я смотрю на его имя на экране, и внутри все сжимается. Еще вчера это имя вызывало теплые чувства. Сейчас — только боль.

Открываю сообщение.

«Виктор Сергеевич, юрист». Его контакты, телефон, и... все.

Ничего себе, какая скорость!

Как будто муж не может дождаться момента, когда официально оформит развод. Как будто спешит отделаться от меня как можно скорее. Вычеркнуть из жизни. Стереть. Забыть.

Интересно, а что было бы, не Расскажи я ему вчера вечером о том, что случилось у Лены? Не начни тот разговор? Продолжил бы изображать счастливого мужа? Как долго?

Год? Два? Дольше?

Продолжил бы пудрить мне мозги?

В глубине души зреет что-то темное и горячее. Формируется в огромный комок, растет, раздувается, наполняется жаром. И вдруг взрывается внутри меня, затапливая все существо.

Концентрированная обида и боль накрывают с головой, острые и жгучие. Я задыхаюсь от них, хватаю ртом воздух. Но они быстро уступают место другому чувству.

Злости.

Отчаянной, всепоглощающей злости.

Такой, что я скриплю зубами. Сжимаю телефон в руке так сильно, что пальцы белеют. Чувствую, как напрягаются мышцы челюстей, как горит лицо.

Восемь лет. Восемь лет я отдала этому человеку. Восемь лет любила, заботилась, верила. Вкладывалась в отношения,

в дом, в будущее, которое, как выясняется, существовало только в моей голове.

А он... он просто взял и выбросил все это. Без сожалений. Без угрызений совести.

Что ж.

Я смотрю на экран телефона, на эти сухие, деловые строчки, и вдруг усмехаюсь. Криво, зло, но это настоящая улыбка. Первая за последние двенадцать часов.

Что ж, самое время пустить эту злость в дело.

Глава 7. Свое и чужое

Катя

«Раздел имущества... ну, тут все просто. Квартира моя, машина тоже», — вспыхивают в памяти слова мужа, произнесенные с такой небрежной уверенностью, как будто он говорил о чем-то само собой разумеющемся.

Ишь ты, какой хитренький!

Злость, которая только что проснулась во мне, разгорается еще ярче. Я чувствую, как горячая волна поднимается откуда-то из глубины, затапливает все остальные эмоции.

Решил выгнать меня на улицу с голым задом? Просто так, одним махом, лишить всего? Думает, я тихо соглашусь, покорно соберу свои тряпки в сумку и уйду в закат, освобождая территорию для его новой пассии?

Не выйдет!

Я снова погружаюсь в изучение квартир на сайте, но теперь меняю параметры поиска. Убираю галочку «с мебелью» и ставлю «без мебели» или «частично меблирована». Список объявлений обновляется, и я вижу, что такие варианты есть и, что важнее, они дешевле.

Потому что мебель и все, что нужно для жизни, у меня есть. В этой квартире.

Я откидываюсь на спинку стула, и мой взгляд скользит по кухне. Обеденный стол, за которым мы с Артемом завтрака-

ли каждое утро. Я его выбирала. Три недели ходила по магазинам, сравнивала модели, прикидывала, какой лучше впишется в интерьер. Артем тогда отмахнулся: «Бери какой хочешь, мне все равно». И я выбрала: светлое дерево, овальная форма, изящные ножки. Вложила и свои деньги.

То же самое со стульями. Помню, как торговалась с продавцом, выбивая скидку.

Взгляд переходит на полки над рабочей поверхностью. Всю кухонную утварь покупала я. Набор кастрюль — подарок от моих родителей на свадьбу. Посуда: тарелки, чашки, бокалы, — все это я собирала по крупицам, подбирала, чтобы сочеталось по цвету и стилю.

Вся кухонная техника тоже куплена не без моего вклада.

И так со всей квартирой.

Нет, ну а что?

За семь лет, что мы живем вместе, я немало сюда вложила. Не только в смысле денег — да, Артем зарабатывает больше, и многое покупал он. Но деньги — это не все.

Я вложила время. Силы. Внимание. Вкус. Свою душу, в конце концов.

Это не просто квартира Артема, в которой я была временной гостьей. Это наш дом. Наше совместное пространство, которое я создавала своими руками, своими усилиями. Выбирала, искала, думала, планировала. Я превратила голые стены в уютное жилье. Я сделала из квартиры дом.

Без меня здесь была бы холодная пустота с минимальным

набором мебели. Артем вообще не заморачивался бы интерьером, если бы не я. Это именно я думала о том, как мы будем здесь жить. Как будем сидеть за этим столом, завтракать, ужинать, разговаривать о прошедшем дне. Как будем отдыхать на этом диване, смотреть фильмы, читать книги. Как будем засыпать на этой кровати, обнявшись, строить планы на завтра.

Я делала это для нас. Для семьи. Для того будущего, в которое верила.

А теперь он думает, что просто выставит меня за дверь, и все это останется ему? Что он приведет сюда свою любовницу, и они будут пользоваться всем, что я создала? Она будет наслаждаться уютом, который я выстраивала годами? Готовить на кухне, которую я обустроивала? Сидеть на диване, который я выбирала?

Ни за что.

Раз Артем так хочет развода, он его получит. Быстро, четко, без лишних эмоций. Именно так, как он хотел.

Я не буду плакать. Не буду цепляться за него и умолять передумать. Не буду устраивать истерик и биться головой в стену.

Пусть остается со своей «яркой» и «живой» любовницей в полупустой квартире.

Пусть начинают жизнь с чистого листа в буквальном смысле.

Я возвращаюсь к просмотру квартир без мебели и с новым

азартом прокручиваю список. Чувствую, как злость постепенно трансформируется во что-то более конструктивное. В решимость. В холодную, твердую уверенность, что я справлюсь.

Бросаю взгляд на часы — уже половина одиннадцатого. На краю сознания мелькает что-то смутное, как будто я что-то забыла.

Что?

Я снова смотрю на стрелки часов, напрягая память, пытаюсь вспомнить. Что-то важное. Что-то, что должно было...

И тут меня пронзает.

Блин, у меня же скоро урок с учеником! У него дома!

Я подсказываю со стула так резко, что он едва не падает. Хватаю телефон, смотрю на время в календаре. Урок начинается в одиннадцать тридцать. До этого момента — меньше часа. А ехать до его дома минимум сорок минут, если не попасть в пробку.

Я летаю по квартире, собирая вещи. Сумка — где сумка? Вот она, на диване. Хватаю ее, запикиваю туда учебники, тетради, ручки. Телефон, кошелек, ключи.

Мчусь в спальню, лихорадочно стягиваю домашнюю кофту и натягиваю более приличную блузку. Джинсы подойдут, я не в школе, урок на дому, можно одеться попроще. Набрасываю кардиган сверху.

Быстро провожу расческой по волосам, завязываю их в хвост.

Выбегаю из спальни, на ходу натягивая ботинки. Куртка, шарф — просто накидываю на себя, застегну потом, в лифте.

Через несколько минут выезжаю со двора и вливаюсь в поток. Дорога, светофоры, другие машины. Я автоматически перестраиваюсь, притормаживаю, ускоряюсь, но мысли совсем не о вождении.

Они снова и снова возвращаются к Артему. К его словам. И вдруг я представляю его лицо.

Он входит в квартиру через отпущенную мне неделю. Открывает дверь и... стоит на пороге, ошарашенный, не понимая, что произошло, куда делась часть вещей.

Он достает телефон, начинает набирать мне сообщение. Или даже звонит.

«Катя, ты что творишь? Верни все на место!»

И я спокойно и холодно отвечаю: «Я забрала свое. Ты же хотел разделить имущество? Вот я и разделила».

Он начинает возмущаться, кричать, угрожать судом.

А я улыбаюсь в трубку и говорю: «Милый, все это совместно нажитое имущество. Подавай в суд, если хочешь. Посмотрим, что скажет судья».

Время, когда Катя соглашалась с ним во всем и уступала, прошло. Безвозвратно.

Если Артем захочет что-то сказать, пусть только попробует. Я найду, что ему ответить.

Потому что я не ворую чужое, я просто забираю свое.

Глава 8. С места в карьер

Катя

Я паркуюсь у знакомого дома, глушу мотор и на секунду замираю, сжимая руль. Дышу. Глубоко вдыхаю холодный воздух, который просачивается через щель в приоткрытом окне.

Нужно взять себя в руки. Нельзя вываливать на людей весь тот хаос, который творится у меня в голове и в душе.

Сейчас я просто Екатерина Витальевна, репетитор по русскому языку. И моя задача — помочь Паше разобраться с одной из тем.

Выхожу из машины, захлопываю дверь. Иду к подъезду, поднимаюсь на третий этаж. Звоню в дверь.

Открывает мне Галина Леонидовна — полная приветливая шатенка с короткой стрижкой и улыбчивыми карими глазами. Она одета в домашнее: мягкие серые брюки и теплый бордовый свитер.

— Катенька! — тепло улыбается она, распахивая дверь шире. — Проходи, проходи, не стой на пороге.

— Здравствуйте, Галина Леонидовна, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал бодро и естественно.

Переступаю порог, снимаю ботинки, вешаю куртку на крючок.

Галина Леонидовна кивает в сторону коридора:

— Пашка уже готов, ждет тебя. Я велела ему приготовить все заранее, чтобы не тратить твое время.

— Спасибо, — киваю я.

Мы работаем в одной школе, Галина Леонидовна и я. Она учитель алгебры и математики, строгая, но справедливая. Ученики ее побаиваются, но уважают. Мы с ней хорошо общаемся: иногда пьем чай в учительской, обсуждаем школьные новости. Она намного старше меня, опытнее, мудрее. Всегда казалась мне человеком, который умеет смотреть на вещи трезво и без лишних эмоций.

Галина Леонидовна провожает меня в Пашину комнату. Мой ученик, худощавый подросток с торчащими во все стороны светлыми волосами и россыпью веснушек на носу, видит меня и улыбается:

— Здравствуйте, Екатерина Витальевна.

— Привет, Паш, — киваю я, присаживаясь рядом. — Как дела? Готов работать?

— Ага, — кивает он.

Галина Леонидовна кивает и уходит, тихо прикрыв за собой дверь.

Я на доступных примерах объясняю то, что Паша не мог уложить в голове, он сосредоточенно и внимательно слушает, задает вопросы.

Все как обычно во время таких занятий.

Только вот внутри меня все не как обычно: в голове крутятся совсем другие мысли. Артем. Развод. Квартира. Ме-

бель. Новое жилье. Новая жизнь. Злость. Обида. Боль. Усталость.

Но я не показываю ничего. Держу лицо. Улыбаюсь, когда Паша справляется с очередным заданием. Хвалю его, когда дает правильный ответ. Терпеливо объясняю снова, когда он не понимает с первого раза.

Наконец, час пролетает. Я закрываю учебник, встаю и собираю свои вещи. Паша провожает меня в коридор.

Галина Леонидовна тут же появляется на пороге кухни, словно ждала.

— Ну что, закончили? — спрашивает она.

— Да, — киваю.

— Катенька, — Галина Леонидовна улыбается мне, — оставайся, пожалуйста. Я специально пироги испекла сегодня, с яблоками и с вишней. Посидим, поговорим.

Я колеблюсь.

Хочется поскорее уехать домой, вернуться к своему ноутбуку, к поиску квартир, к мыслям о том, как именно буду забирать вещи. Но отказать неловко. Галина Леонидовна старалась, пекла, ждала.

— Конечно, — говорю, стараясь, чтобы это прозвучало искренне. — С удовольствием.

— Вот и хорошо! — довольно кивает Галина Леонидовна. — Пашка, ты свободен. Сделал дело — гуляй смело.

Паша радостно хватается за куртку с вешалки, натягивает ее на ходу.

— Я пошел к Мишке, — говорит он, уже открывая дверь.

— Иди-иди, — машет рукой Галина Леонидовна. — Только на звонки отвечай, если что.

Паша кивает и убегает.

— Проходи на кухню, — Галина Леонидовна жестом приглашает меня следовать за ней.

Я иду следом. Их кухня уютная, теплая: светлые обои в мелкий цветочек, деревянный стол, накрытый клетчатой скатертью, на подоконнике горшки с геранью. Пахнет свежей выпечкой, корицей и чем-то еще домашним, успокаивающим.

На столе уже все готово: два блюда, две чашки, чайник, сахарница. И два пирога.

— Садись, не стесняйся, — говорит Галина Леонидовна, указывая мне на стул.

Я сажусь. Она разливает ароматный травяной чай. Режет пироги, кладет мне на тарелку по куску каждого.

— Ешь, ешь, — подбадривает она. — Ты вон какая худенькая, надо подкрепиться.

Я беру вилку, отламываю кусочек яблочного пирога, отправляю в рот. Тесто нежное, рассыпчатое, яблоки сладкие с легкой кислинкой. Но я почти не чувствую вкуса. Просто жую, глотаю, потому что так надо.

Галина Леонидовна пьет чай, смотрит на меня. Потом заговаривает:

— Ну что, с Пашкой-то как?

— Отлично. Он очень старается, Галина Леонидовна. Разобрались мы с темой, он все понял.

— Правда? — недоверчиво переспрашивает она, хмуря брови. — А то этот оболтус дома вечно из-под палки занимается. Я уж боюсь, не завалит ли он ОГЭ.

— Галина Леонидовна, — говорю я мягко, — правда, не волнуйтесь. Если вдруг еще понадобится помощь, зовите. Но Паша молодец, ему просто нужно было чуть больше времени, чтобы разобраться.

Она смотрит на меня с сомнением, но потом все же кивает:

— Ну, если ты так говоришь...

Мы замолкаем. Я пью чай, откусываю еще немного пирога. Галина Леонидовна тоже пьет, но взгляд ее не отрывается от меня. Изучающий. Оценивающий.

Мне становится не по себе. Неужели она что-то заметила? Я же старалась выглядеть нормально. Или не получилось?

Наконец, Галина Леонидовна задумчиво прищуривается и спрашивает:

— Катенька... у тебя все хорошо?

Я моргаю, не понимая, чем вызван вопрос.

— Ну да, — отвечаю осторожно. — Все хорошо.

Не вываливать же на нее все, что со мной произошло за последние сутки. Не рассказывать же про измену мужа, про любовницу и про развод. Да, мы с ней хорошо общаемся, но не настолько.

— Ты извини, если лезу не в свое дело, — говорит Галина Леонидовна, и голос ее становится мягче, участливее. — Просто заметила, что у тебя на пальце нет кольца.

Я инстинктивно смотрю на свою руку. На безымянном пальце правда пусто. Я сегодня утром, после разговора с Артемом, сняла обручальное кольцо. Сорвала его со злостью, почти с яростью, и бросила на тумбочку. И надевать обратно уже не планирую. Никогда.

Поднимаю глаза на Галину Леонидовну. Она смотрит на меня с сочувствием, с пониманием.

Молчать бессмысленно. Она уже поняла. Уже догадалась.

— Развожусь, — говорю коротко.

— Ох, деточка, — сочувственно тянет Галина Леонидовна, и в ее голосе столько тепла, столько искреннего участия, что у меня вдруг предательски щиплет в носу.

Не расклеиваться. Не плакать. Только не здесь.

Я сжимаю губы, смотрю в сторону, делаю несколько глубоких вдохов. Галина Леонидовна молчит, давая мне время собраться.

Потом она наклоняется ко мне через стол, и вдруг, совершенно неожиданно, говорит:

— Хочешь, я тебя познакомлю со своим племянником?

Я моргаю, не понимая. Что?

— Хороший мужчина, — продолжает Галина Леонидовна, и в глазах ее загорается азартный огонек. — Верный, надежный, зарабатывает хорошо. Только как развелся почти

четыре года назад, так и кукует один. Я на него смотрю, и сердце болит — молодой еще мужик, ему бы хорошую жену.

Я сижу и хлопаю ресницами, не в силах выдать из себя ни слова.

Я всего сутки назад узнала, что муж мне изменяет и хочет уйти. А мне тут уже сватают непонятно кого.

Галина Леонидовна, видимо, считывает мои эмоции, потому что спохватывается:

— Прости, что я так с места в карьер, — говорит она чуть смущенно. — Просто ты хорошая девушка, Катенька. Такая долго одна не останется, я уверена. Мужики за тобой очередь выстроятся, вот увидишь. А мой племянник — достойный человек. Я думаю, вы бы отлично ладили, уж поверь моему опыту.

Она замолкает, ждет ответа.

Я делаю глоток чая, чтобы выиграть время.

— Галина Леонидовна, — говорю наконец, стараясь, чтобы голос звучал вежливо, но твердо. — Спасибо вам за заботу. Правда, спасибо. Но... я еще даже не развелась и, простите, мне не до того сейчас. Я только-только начала осознавать, что происходит. Мне нужно время, чтобы разобраться в себе, со своей жизнью. Я сейчас вообще не думаю ни о каких... отношениях.

Слово «отношения» дается мне с трудом. Даже произносить его не хочется.

Галина Леонидовна понимающе кивает.

— Да, конечно, конечно, — говорит она. — Глупо я смо-
розила, извини. Рано еще.

Она замолкает, потом добавляет мягче:

— Но ты все равно подумай. Не обязательно прямо сей-
час. Просто знай, что такой вариант есть. Если когда-нибудь
захочешь... ну, познакомиться, пообщаться, я всегда готова
вас свести.

Я киваю, отвечаю вежливо:

— Спасибо. Я подумаю.

Хотя думать и не собираюсь. Вообще не представляю,
как можно снова кому-то доверять, открываться, впускать в
свою жизнь. Артем разбил это во мне. Разрушил веру в то,
что можно быть счастливой с мужчиной.

Так что спасибо, но мне больше не надо никаких мужчин.
Лучше я уж как-нибудь сама.

Глава 9. Ключи от новой жизни

Катя

— Ты пей чай, — подает голос Галина Леонидовна. — А то остынет.

Я вздрагиваю, возвращаясь из своих мыслей. Действительно, совсем забыла про него.

— Да, конечно, — киваю я и делаю глоток, но тут же снова думаю о своем.

Надо будет сразу, как выйду отсюда и сяду в машину, прозвонить по записанным в блокнот номерам. Договориться на просмотр квартир.

Завтра уже на работу, и нужно успеть по максимуму сегодня, потому что среди рабочей недели найти время на мотания по городу будет сложно. Уроки, проверка тетрадей, планы, совещания...

— Галина Леонидовна, — вырывается у меня почти само собой, — а у вас из знакомых случайно никто не сдает квартиру?

Она поднимает на меня глаза, удивленно моргает.

— Квартиру? — переспрашивает, задумчиво прищуриваясь.

Глупый вопрос, конечно. Какие шансы, что у нее найдется...

Но лицо Галины Леонидовны внезапно озаряет улыбка.

Широкая, радостная.

— А знаешь, сдает! — восклицает она, и я чувствую, как сердце подскакивает. — У меня знакомая купила недавно однушку для сына. Инвестиция, так сказать, на будущее. Вот только он сейчас в другом городе, придет сюда только через два года, не раньше. А пока она планирует сдавать квартиру, чтобы хоть какие-то деньги капали. Как раз спрашивала меня на днях, не ищет ли кто квартиру.

Я замираю, не веря своим ушам.

— Серьезно? — выдыхаю.

— Абсолютно, — кивает Галина Леонидовна. — Кстати, она недалеко от школы. Пешком минут пятнадцать, не больше.

В голове не укладывается. Как же удачно я спросила! Неужели вот так просто, за чашкой чая, решится вопрос, над которым я билась все утро?

— Так это же отлично! — восклицаю, и в голосе моем звучит неподдельная радость. — Это же именно то, что нужно!

— Там как раз... — начинает Галина Леонидовна, но вдруг будто спохватывается и умолкает, поджимая губы.

Я настораживаюсь.

— Что? — спрашиваю осторожно. — Что-то не так?

— Да нет, ничего, — машет рукой Галина Леонидовна, но взгляд ее становится задумчивым. — Просто подумала... Ладно, потом расскажу, если надо будет.

Я хмурюсь, не понимая. Но она уже продолжает:

— У меня ведь, кстати, и ключи от этой квартиры есть. Сестра мне их оставила, попросила периодически туда заезжать, проверять, все ли в порядке. Пыль протирать, проветривать. Если ты не занята сейчас, можем съездить, покажу. Чтобы ты хоть представление имела.

— Я только за! — киваю с энтузиазмом. — Тем более я на машине, и обратно вас потом отвезу.

Уже начинаю вставать, но вдруг спохватываюсь. Стоп. А вдруг мне не по карману?

— Хотя стойте, — замираю, поджимая губы. — А какая цена?

Галина Леонидовна называет сумму, и я быстро прикидываю в уме.

На пару тысяч больше, чем те квартиры, которые записаны в моем блокноте. Но это мелочи, в принципе. Тем более не факт, что те квартиры из объявлений и правда сдаются по указанной стоимости. Обычно же как бывает: в объявлении одна цена, а когда начинаешь уточнять, оказывается, что это без депозита и без какой-нибудь дополнительной платы за черт знает что еще.

— Меня устраивает, — говорю твердо и удовлетворенно киваю.

— Тогда поедem. — Галина Леонидовна встает, начинает убирать со стола посуду. — Дай-ка я только все быстренько в раковину сложу, и можно ехать.

Я помогаю ей, потом Галина Леонидовна собирается, и мы

выходим.

Наконец, через полчаса, мы останавливаемся у нужной высотки. Я выхожу из машины, оглядываюсь. Территория выглядит ухоженной: чистые дорожки, аккуратные газоны, есть даже детская площадка с новенькими качелями и горкой. Фасад светлый, окна большие, балконы застеклены.

Я задираю голову, подсчитывая этажи. Много.

— Двадцать один этаж, — говорит Галина Леонидовна, видя мой взгляд.

— А на каком квартира? — спрашиваю я.

— На одиннадцатом.

Надеюсь, лифт работает.

Работает.

Через пару минут мы оказываемся у массивной железной двери. Галина Леонидовна гремит ключами.

— Ну, прошу, — улыбается, отпирая замок и пропуская меня вперед. — Ремонт, если что, от застройщика. Моя сестра ничего не переделывала, решила оставить как есть.

Я переступаю порог и замираю.

Квартира оказывается достаточно большой, не такой, как в хрущевках. Здесь просторно и светло. Окна большие, выходят на южную сторону, и солнце заливает все помещение мягким светом.

Прохожу в комнату. Пусто. Почти пусто. У стены стоит диван, обитый серой тканью, и большой шкаф-купе с зеркальными дверцами. Все. Но мне большего и не нужно.

Я иду дальше, заглядываю на кухню. Там стоит кухонный гарнитур — белый, простой, но новый. Мойка, плита, рабочая поверхность. Окно на кухне тоже большое, под подоконником батарея.

Прохожу в ванную. Плитка под мрамор, новая сантехника. И тут под столешницей я вижу ее — новенькую стиральную машину. Не скрываю радости.

Галина Леонидовна, видя, как радуюсь я, тоже не скрывает улыбки. Стоит в дверях ванной, смотрит на меня с теплотой.

— Ну что, берешь? — спрашивает она.

— Конечно! — тут же отзываюсь я, даже не раздумывая.

То, что квартира сдается всего на два года, меня не печалит. Это большой срок. Если что, потом спокойно подыщу другое жилье. Главное, что решилась проблема с отпущенным мне мужем сроком в неделю.

— Галина Леонидовна, — говорю, чувствуя, как внутри меня вспыхивает азарт, решимость. — А я могу сразу захватить? В течение недели?

— Разумеется, — кивает та. — Моя сестра только рада будет, что квартира не пустует. Тем более с тобой никаких проблем не будет, я за тебя ручаюсь.

Вот и славненько. Я мысленно потираю руки, даже настроение улучшается.

Еще утром я сидела убитая, растерянная, не знающая, что делать. А сейчас — вот оно, решение. Простое, понятное.

Квартира есть. Можно планировать переезд.

— Держи ключи, — протягивает мне связку Галина Леонидовна. — С новосельем, Катенька!

Я беру их. Обычные ключи на простом металлическом кольце, ничего особенного. Но для меня это — символ. Начало новой жизни.

Не удерживаюсь, бросаюсь к Галине Леонидовне и обнимаю ее. Крепко, от всей души.

— Спасибо вам! — шепчу, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Спасибо огромное!

— Ну что ты, что ты, — растроганно тянет та, обнимая меня в ответ. — Своим нужно помогать, правда?

Мы стоим так несколько секунд, обнявшись. Потом я отстраняюсь, смахиваю выступившие на глазах слезы.

— Извините, — бормочу я. — Что-то расклеилась.

— Ничего страшного, — мягко говорит Галина Леонидовна.

Вскоре мы выходим из квартиры и едем обратно. Болтаем о работе, о школе, о погоде. Обычные разговоры, ни к чему не обязывающие. Но мне приятно. Приятно просто общаться с человеком, который не предавал, не обманывал, не делал больно.

Я отвожу Галину Леонидовну к ее дому, прощаюсь с ней еще раз, благодарю. Она машет мне рукой, и я еду дальше. Домой. Когда глушу мотор у своего подъезда, звонит телефон. Я достаю его из сумки, смотрю на экран. Артем.

Что ему нужно?

Медлю секунду, потом все же нажимаю на зеленую кнопку.

— Да.

— Ты дома? — без приветствия начинает он.

И правда, зачем себя утруждать. Виделись ведь утром. Зачем здороваться, спрашивать, как дела. Мы же теперь чужие люди.

— Дома, а что? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, спокойно.

— Отлично, — говорит Артем. — Заеду через час. Забыл кое-какие документы.

Он умолкает на пару секунд. Я слышу, как он прокашливается, будто собирается с мыслями. Потом продолжает:

— Нам нужно поговорить.

И кладет трубку. Я сижу в машине, глядя на потухший экран телефона.

Поговорить?

О чем?

Глава 10. В чем подвох?

Артем

Я подъезжаю к дому, и в груди снова возникает это странное чувство. Не то чтобы вина. Нет, не вина. Просто... неловкость, что ли. Или дискомфорт. Не знаю, как это назвать. Я же все правильно делаю. Честно сказал Кате о своем решении, дал ей время собраться, не выгнал на улицу сразу же, как это бывает у некоторых. Но я не некоторые, я поступаю порядочно.

Когда поднимаюсь на нужный этаж, достаю ключи и открываю дверь.

Тишина. Никакого запаха ужина, никакого шума телевизора, как раньше. Катя всегда встречала меня, спрашивала, как дела, предлагала поесть.

Прислушиваюсь. Кажется, на кухне кто-то есть. Иду туда.

Катя сидит за столом, уткнувшись в ноутбук. Волосы собраны в небрежный хвост, на ней домашняя одежда: серая толстовка и джинсы. Она поднимает на меня взгляд, когда появляюсь в дверях.

Мрачный взгляд. Холодный. Без намека на улыбку или приветствие.

Молчит. Даже чаю не предложила.

Впрочем, ладно, я тут не за этим.

— Я приехал, — говорю больше для приличия.

Она кивает, но ничего не отвечает, лишь снова смотрит в экран ноутбука.

Ну что ж, как хочешь.

Разворачиваюсь и иду в гостиную. Открываю нужный ящик в комод, достаю папку, проверяю, все ли на месте. Попутно заглядываю в спальню — просто из любопытства.

И вижу то, что и подозревал.

Все на своих местах. Вещи Кати на полках, ее одежда в шкафу, косметика на туалетном столике. Никаких коробок, никаких сумок, никаких следов сборов. Вообще. Как будто я ничего ей не говорил вчера и сегодня утром.

Я поджимаю губы. М-да, так и думал. Она надеется, что я передумаю. Что это просто эмоции, что я остыну и вернусь. Типичная женская логика: «Если я буду делать вид, что ничего не происходит, то ничего и не произойдет».

Только не в этот раз, Катя.

Я возвращаюсь на кухню с документом в руке и останавливаюсь напротив нее.

Начинаю максимально серьезным, безапелляционным тоном:

— Катя, завтра рано утром едем подавать заявление на развод.

Она поднимает на меня глаза. Прищуривается. Молчит.

Я продолжаю, предупреждая возможные возражения:

— До твоей работы, так что успеем. В девять утра нужно быть у ЗАГСа. Я заранее уточнил, во сколько они открыва-

ются.

Жена продолжает молчать. Смотрит на меня так, словно оценивает. Изучает. И во взгляде этом нет ни слез, ни мольбы, ни отчаяния.

Ну все, сейчас начнется, уверен.

«Артем, давай не будем торопиться. Подумай, не горячись. Я исправлюсь, все будет, как ты хочешь».

И так далее, и тому подобное.

В общем, вывалит весь женский арсенал уговоров. Оно, конечно, понятно, но мне не нужно от слова совсем: я принял решение, и я его не изменю. Меня ждет настоящее будущее, не вот это вот прозябание в рутине.

Так что я отодвигаю стул, бросаю папку на стол и сажусь напротив Кати. Кладу ладони, сцепленные в замок, на папку. Награждаю жену прямым, строгим взглядом. Таким, каким смотрю на подчиненных на работе, когда хочу показать, что шутки кончились.

Говорю твердо:

— Только давай без слез, хорошо? Понимаю, что ты еще на что-то надеешься, но...

— Когда? — вскидывает подбородок жена.

Я осекаюсь, не успев закончить мысль.

— Что — когда? — переспрашиваю.

— Во сколько именно нужно быть у ЗАГСа? — уточняет она деловито.

Я хмурюсь.

— К девяти, — отвечаю.

— Поняла, — кивает Катя. — Это именно то, о чем ты хотел поговорить?

Ледяной тон. Абсолютно ледяной.

Я киваю, смотрю на нее недоверчиво, жду подвоха. Ну не может же она так просто согласиться. Ни единого возражения. Вообще. Как будто я ее в кино пригласил, а не на подачу заявления на развод. Как будто ей плевать на меня.

Подумаешь, ушел любимый муж, эка невидаль.

Внутри начинает неприятно свербеть. Что-то тут не так. Нет, наверняка она просто набивает себе цену. Играет в эту игру. «Я сильная и независимая, мне все равно». А на самом деле внутри ревет и надеется, что сдамся.

Решаю прояснить все сразу, чтобы не оставалось никаких иллюзий.

— Катя, — говорю, наклоняясь чуть ближе, — я понимаю твои чувства. Знаю, что ты не хочешь расставаться. Но не надо уговаривать меня остаться. Это бесполезно.

В этот момент глаза жены распахиваются, и в них плещется изумление. Чистое, неподдельное изумление.

— С чего ты взял, что я стану это делать? — спрашивает она, и в голосе ее звучит что-то, чего я не могу определить.

Пожимаю плечами.

— Вообще-то, ты даже не начала собирать вещи, — объясняю очевидное. — Я зашел в спальню, а там все на своих местах, как и в гостиной. Никаких следов того, что ты вос-

приняла мои слова всерьез. Никаких коробок, сумок, ничего. Значит, веришь, что я остыну, приеду через неделю, и ты уломаешь меня остаться.

Делаю паузу, смотрю ей в глаза.

— Так вот, скажу сразу: не получится.

Катя молчит секунду. Потом медленно кивает.

— Я поняла, — соглашается она с какой-то подозрительной легкостью.

И усмехается. Усмехается!

— Я не начала собирать вещи потому, что сначала нужно найти квартиру, — объясняет мне спокойно. — Этим я сегодня и занималась, если хочешь знать.

Угу, понятно. Квартиру она ищет, сидя дома, как же. Придумала отговорку, а на самом деле ничего искать и не собиралась.

Ладно. Главное, я предупредил. А дальше уже ее проблемы.

— Если это все, чего ты хотел, то... — Жена кивает в сторону выхода в очевидном жесте. Мол, тебе пора.

Я смотрю на нее, и внутри вспыхивает раздражение.

Это что, меня из собственной квартиры провожают? Seriously?

Вдох. Выдох. Так, спокойно. Я сам дал ей неделю, и слов на ветер не бросаю.

— Все, — подтверждаю коротко, вставая со стула. — Увидимся завтра у ЗАГСа. Не опаздывай.

Катя снова кивает и даже не провожает меня до двери.

Когда выхожу на улицу и сажусь в машину, завожу мотор, но не трогаюсь, так и сижу, глядя на руль.

Вроде все идет по плану: я сказал, что хотел сказать, договорился о времени. Завтра подадим заявление, и через месяц будем официально разведены. Все логично. Все правильно. Все, как я хотел.

Но в голове крутится заезженной пластинкой одна и та же мысль:

«С чего вдруг Катя такая сговорчивая?»

Настолько сговорчивая, как будто я для нее — уже никто.

Качаю головой, прогоняя эти мысли. Ерунда. Она просто притворяется, хочет меня уязвить. Все станет ясно завтра, когда встретимся у ЗАГСа. Наверняка она придет в слезах, начнет просить остаться.

Да, так и будет. Значит, надо заранее продумать наш разговор.

Глава 11. Ключи от прошлого

Катя

Неделя до моего выезда из квартиры Артема настолько насыщена делами, что пролетает как один миг.

На следующее утро после разговора с мужем я встречаюсь с ним у ЗАГСа. Приезжаю без опозданий, без десяти девять, паркуюсь рядом с его машиной. Он уже здесь, стоит у входа в здание, смотрит на телефон. Выхожу, захлопываю дверь. Он поднимает взгляд.

И в его глазах я вижу то же самое, что и вчера. Что-то вроде: «Я ухожу, но почему вы не уговариваете меня остаться?»

Было бы смешно, если б не было так грустно.

Зачем это ему? Потешить самолюбие тем, что за него борются две девушки? Насладиться тем, что жена на коленях умоляет его не уходить? Нет уж. Такого удовольствия я ему не доставлю. Умерла так умерла. Если он хочет к другой, пусть идет. Я не собираюсь держаться за человека, которому не нужна, поэтому первая киваю на ЗАГС.

— Пойдем, — говорю спокойно. — Мне нужно успеть на работу.

Артем хмуро кивает, так и не дождавшись от меня ни просьб, ни мольбы, ни чего он там хотел услышать.

Мы заходим внутрь, ждем в очереди, потом заполняем бумаги. Все настолько официально и холодно, что я поежива-

юсь.

— Через месяц приходите за свидетельством о расторжении брака, — говорит сотрудница ЗАГСа. — Если передумаете, можете отозвать заявление в любой момент.

Артем молчит. Я тоже.

Мы выходим, и он смотрит на меня, будто все еще чего-то ждет, однако я просто киваю ему на прощание и иду к своей машине. Когда выезжаю со стоянки, в зеркале заднего вида ловлю на себе его пристальный взгляд. Артем стоит у своей машины, смотрит мне вслед. Еще чуть, и просверлит дырку.

М-да. А говорят, что это у женщин нет логики.

С вещами я решила поступить так: каждый вечер перевозить в новую квартиру то, что не хочу доверять грузчикам. Документы, фотографии, книги, косметику, украшения. Все хрупкое и дорогое сердцу. А все тяжелое и громоздкое — мебель, коробки с посудой, бытовую технику — оставить на выходные, когда можно будет нанять грузчиков.

Елку с игрушками тоже забираю: хоть немного праздничного настроения от украшенной красавицы мне не помешает, тем более что это все покупала именно я. Как и многое другое в этой квартире.

Каждый вечер я упаковываю очередную партию вещей, везу в новую квартиру, разгружаю. Потом возвращаюсь обратно. И так каждый день.

На работе, как обычно, дурдом в честь окончания очеред-

ной четверти и приближающегося Нового года. Контрольные, проверка тетрадей, оценки, родительские собрания, утренники, репетиции праздничных концертов. Голова кругом.

Впрочем, впервые я этому рада. Потому что времени на слезы почти не остается. Я настолько устаю, что ночью падаю в кровать без задних ног и проваливаюсь в сон, едва голова касается подушки.

А еще я так никому и не сказала о том, что развожусь. Зачем?

Коллеги спрашивают, как дела, улыбаются, делятся своими новостями. А я улыбаюсь в ответ, киваю, поддерживаю разговор. Обычная Катя.

Галина Леонидовна, спасибо ей за это, тоже оставила эту новость при себе. Мы с ней перекинулись парой фраз в учительской, она спросила, как дела с квартирой, я ответила, что все хорошо, уже начала перевозить вещи. Она кивнула, ничего больше не спросила. Тактичная женщина.

В общем, я усердно делаю вид, что ничего не изменилось, хотя невольно присматриваюсь к коллегам. К учительницам, если быть точной. Ловлю себя на том, что в каждой, хоть сколько-то подходящей по возрасту, вижу ту, из-за которой Артем решил со мной развестись.

Таких у нас в школе, правда, совсем немного.

Тридцатилетняя шатенка Карина, учительница истории. Высокая, стройная, любит носить юбки-карандаш и блузки

с глубоким вырезом. Всегда ухоженная, всегда с идеальным маникюром.

«Англичанка» Анжелика — блондинка, ей двадцать четыре, и она дочка нашего завуча, Нины Владимировны. Милостивая, с большими голубыми глазами.

И рыжеволосая Марина, учитель рисования. Ей двадцать семь. Яркая, эксцентричная, со смехом, похожим на звон колокольчиков.

Я хорошо общаюсь со всеми, но только на уровне приятельниц, не более.

Ключевое то, что Артем знает их и видел неоднократно, когда заезжал за мной после работы, когда приходил на школьные праздники, на День учителя, на новогодний корпоратив.

Приходится усилием воли заставлять себя не видеть в них разрушительниц браков. Ведь почти бывший муж мог найти кого-то и у себя на работе. Это, в принципе, логичнее. Зачем искать далеко то, что можно встретить у себя же в офисе?

Но мысль все равно не отпускает. Каждый раз, когда вижу Карину, Анжелику или Марину, внутри что-то сжимается.

Стоп. Хватит. Это не моя проблема. Пусть Артем живет с кем хочет, мне все равно.

Я повторяю это себе как мантру. Снова и снова.

Наконец нервная рабочая неделя заканчивается.

Суббота. Утро. Я просыпаюсь рано, несмотря на то, что

можно было бы поспать подольше. Звоню в компанию, которая занимается перевозками, уточняю время. Подтверждают: в десять будут на месте.

С Артемом мы еще у ЗАГСа договорились, что я позвоню ему, как выеду окончательно. Слава богу, больше он не появлялся, а то изрядно бы удивился тому, как опустела квартира. Нет, конечно, там много чего осталось — его вещи, часть мебели, техника. Но у него и так подгорит, чувствую, когда увидит, сколько всего я забрала. Так и представляю его лицо, когда он войдет в квартиру! Бесценное зрелище, даже немного жаль, что я его пропущу.

Грузчики приезжают даже быстрее обещанного, без пятнадцати десять звонят в дверь.

— Здравствуйте, — говорит старший, крепкий мужчина лет сорока. — Готовы начинать?

— Да, конечно, — киваю я. — Проходите.

Они заходят, оглядываются. Коробки стоят аккуратно сложены у стены, мебель частично разобрана — я постаралась сама открутить то, что смогла.

— Ого, вы молодец, — усмехается один из грузчиков, молодой парень с татуировками на руках. — Обычно приезжаем, а там все стоит как стояло, приходится самим разбирать.

Я лишь пожимаю плечами, и они начинают работать. Стройно, быстро и слаженно выносят коробку за коробкой. Вскоре и я подхватываю последнюю коробку с хрупкими вещами, пару пакетов и выхожу вслед за ними.

— Вы поедете с нами? — спрашивает старший.

— Нет, у меня своя машина, поеду следом.

Еще через час я обзираю гору коробок и разобранный мебель.

Вздыхаю. Сегодня и завтра точно уйдут на то, чтобы привести мою квартирку в божеский вид.

Грузчики уходят, и я остаюсь одна с кучей вещей, которые нужно разобрать, расставить, развесить.

Но сначала нужно позвонить Артему. Я достаю телефон. Набираю его номер. Два гудка.

— Да, — отвечает он.

— Я выехала, — говорю коротко. — Можешь возвращаться.

Молчание. Потом:

— Хорошо.

Кладу трубку. Все. Больше мне с ним говорить не о чем.

Снова окидываю взглядом свои богатства. Так. С чего бы начать?

Ай, ладно. Буду разбирать по порядку. Подхожу к первой коробке, открываю и вижу книги. Расставляю их на полках шкафа.

Вторая коробка с посудой. Несу на кухню, расставляю в шкафчики.

После второй коробки тянусь к третьей, и тут взгляд падает на вешалку с вещами. Рядом с моей курткой висят... две связки ключей.

Две. А должна висеть одна!

Я замираю.

Нет. Нет, нет, нет.

В пылу сборов я забыла оставить ключи от квартиры Артема на комоде в прихожей, как мы договаривались.

Блин. Что делать?

Придется возвращаться... Надеюсь, он еще не успел заявиться домой.

Я хватаю ключи, куртку и мчусь вниз, еду на всех парах обратно. Только бы не встретиться с ним, только бы успеть...

Как только въезжаю во двор, верчу головой.

— Фууу-х, — облегченно выдыхаю, потому что машины Артема нет.

Слава богу, он еще не приехал.

Квартира встречает меня тишиной и непривычной пустотой. Раз уж я тут, решаю еще раз обойти комнаты. Вдруг что-то забыла?

Через несколько минут убеждаюсь, что ничего моего здесь не осталось, и выхожу в коридор. Достаю из кармана ключи, кладу их на комод, аккуратно, на самое видное место.

И тут... Открывается дверь.

Я замираю.

В проеме возникает целующаяся парочка.

Они настолько увлечены друг другом, что меня даже не замечают. Артем прижимает свою любовницу к стене, и она обвивает его шею руками. Они целуются жадно, страстно,

забыв обо всем на свете.

Поначалу Артем стоит ко мне спиной. Но когда поворачивается боком, чтобы закрыть дверь ногой, не отрываясь от поцелуя, я вижу... ее, ту самую — «яркую» и «живую». И я ее знаю.

«Так вот на кого он меня променял», — проносится в голове под аккомпанемент падающей челюсти.

Глава 12. Та самая

Катя

Парочка продолжает страстно целоваться, а я стою и смотрю на них. На нее.

Это она-то «яркая» и «живая»?

Фигуристая — да. Смазливая — да. Молодая — безусловно. Но яркая?

Та же рыжеволосая Марина с ее громким смехом, цветастыми платьями и бурной жестикуляцией куда ярче и живее. Лена, моя подруга, тоже яркая, эмоциональная и энергичная.

А эта...

Стою и диву даюсь, насколько у нас с Артемом, видимо, расходятся понятия о том, что такое яркость.

Наконец Артем отрывается от любовницы. Они синхронно поворачиваются и... видят меня.

Немая сцена.

Изумление на их лицах такое искреннее и неподдельное, что, несмотря на ситуацию, мне дико хочется рассмеяться. Вот прямо в голос захохотать. Потому что это выглядит как плохая комедия. Как дешевый сериал. Измена, тайная любовница, внезапное появление жены.

Артем сводит брови к переносице, его любовница открывает рот, закрывает, снова открывает. Как рыбка, выброшенная на берег.

Я стою, скрестив руки на груди. Жду. Интересно, что они скажут.

— Катя? — наконец выдавливает из себя муж, глядя на меня исподлобья. — Что ты здесь делаешь?

Вот это вопрос. Не «прости», не «давай я все наконец-то все объясню», а «что ты здесь делаешь?».

Я усмехаюсь. Холодно. Колко.

— Забыла оставить ключи, — киваю на комод, где аккурратно лежит связка. — Поэтому и вернулась. Не думала, что застану такое... интересное зрелище.

Перевожу взгляд на любовницу мужа. Смотрю ей прямо в глаза, и она отводит взгляд. Не выдерживает.

— Ну здравствуй, Анжелика, — говорю я медленно, растягивая каждое слово.

Та потупливает взгляд и громко сглатывает.

Вот вам и «умница и скромница», по мнению матери, нашего завуча. Интересно, как долго эта умница практикует скромность в постели моего мужа? Месяц? Два? Полгода?

А может, и дольше.

Может, пока я готовила ужины, проверяла тетради, радовалась каждому его возвращению домой, он уже давно спал с этой блондинкой где-то на стороне. И при этом она имела наглость смотреть мне прямо в глаза день за днем. Смотреть, улыбаться и разговаривать как ни в чем не бывало.

Анжелика мешкается под моим уничтожающим взглядом, переминается с ноги на ногу, а потом хватается Артема за руку,

словно ища защиты.

Тот крепко сжимает ее ладонь. Мол, не бойся, я рядом. Я тут.

Обнадеженная этим жестом, она набирается смелости. Задирает подбородок, смотрит на меня уже не так робко.

— Привет, — отвечает она, и в ее голосе проскальзывает вызов.

Я делаю шагок вперед.

Анжелика в ту же секунду инстинктивно пятится, вжимаясь в закрытую дверь. Так-то. Вызов вызовом, а все равно страшно.

— Катя, — подает голос муж, и его жесткий тон полон колкого льда.

— Что Катя?

— Тебе пора, — смотрит он на меня в упор.

Я фыркаю.

— Боишься, что я повыдергаю патлы твоей яркой и живой? — спрашиваю с издевкой. — Поэтому не говорил, кто она? Поэтому прятал от меня?

Муж морщится. Сжимает челюсть. Молчит.

А потом в разговор встревает Анжелика. Голос дрожит, но она старается звучать уверенно:

— Катя, мы... мы друг друга любим. Ты должна это понять. Мы не специально. Чувствам не прикажешь.

Я поворачиваюсь к ней, смотрю. Долго. Изучающе.

— Что я должна понять? — вспыхиваю. — Что в мире за-

кончились свободные мужчины, и ты взялась окучивать женатого?

— Я не...

— Ну да, ты «не», — перебиваю ее, и голос мой становится острым, как бритва. — Не погнушалась штампом в его паспорте. Не посмотрела на то, что работаешь с его женой. Не залезла в его постель! Какая ты молодец, Анжелика. Какая смелая. Какая решительная.

Делаю паузу. Прищуриваюсь.

— Интересно, а Нина Владимировна в курсе, чем занимается ее дочь в свободное от работы время? Знает, что ее «скромная воспитанная девочка» спит с женатым мужчиной? С коллегой его жены?

Глаза Анжелики широко распахиваются, а ее смазливое личико бледнеет. Губы дрожат. Не в курсе, значит.

— Я... я взрослая, — чеканит она, поджимая губы. — Могу сама принимать решения. Мне не нужно разрешение мамы, чтобы встречаться с мужчиной.

— О, конечно, — киваю я с преувеличенным пониманием. — Ты взрослая. Целых двадцать четыре года. Такой солидный возраст. Ты уже прошла через столько в жизни, правда? Столько отношений, столько опыта. Небось думаешь, что Артем — это твоя настоящая любовь. Что вы будете жить долго и счастливо. Что он не бросит тебя так же, как бросил меня.

Криво усмехаюсь.

— Только вот я ему тоже когда-то казалась настоящей любовью. А теперь стою здесь и смотрю, как он целует другую. Так что не обольщайся, дорогая. Через несколько лет на твоём месте будет другая, ярче и живее.

— Катя, хватит, — резко обрывает меня Артем. — Я не позволю тебе оскорблять и запугивать мою женщину!

«Мою женщину». Как гордо звучит.

Я приподнимаю бровь и хмыкаю:

— О как. Защитничек нашелся. Ты поэтому и прятался со своей женщиной по углам? Потому что «защищал»? — рисую пальцами кавычки в воздухе. — Или потому что стыдно было признаться, что изменяешь жене с коллегой, которая младше тебя на одиннадцать лет?

Артем сжимает кулаки. Дышит тяжело.

— Разговор окончен, — припечатывает он. — Ты узнала то, что хотела. Довольна?

Я прищуриваюсь, и на моем лице расплывается такая ядовитая усмешка, что Анжелика снова громко сглатывает и крепче вцепляется в руку Артема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.